

АНТИЧНАЯ культура и высшее ее проявление — древнегреческая трагедия, у колыбели которой стоял

такой гигант театрального искусства, как Эсхил, — подарили человечеству отлитые в чеканные стихотворные строфы мысли и волнения за судьбы людей, беспокойство за справедливость их поступков, стремление к верности и чистоте их чаяний, надежды и идеалов. О том, как жить, чтобы в человеке восторжествовал человек, чтобы инстинкты корысти, коварства, себялюбия и прочих низких страстей не победили жажды правды, честности, любви к прекрасному, ответственности за свои деяния перед согражданами, — обо всем этом спорят люди и боги в творениях Эскила. Обо всем этом стонет, шепчет, вопрошает и молит душа и сердце трагедии — Хор, овеещающий, или, вернее сказать, очеловечивающий тревожную и горячую мысль автора трагедии, бывшего одновременно и первым ее актером.

Благодаря философским и поэтическим обобщениям Хора, раскрывающим глубочайший дар эсхилевского человековедения, и сегодня, через тысячелетия после смерти Эскила, в поступках и мыслях его мифических героев для нас раскрываются вечно живые раздумья о моральных и этических нормах человеческого поведения. Суровый и страстный голос великого трагика звучит могуче, горячо и всегда по-новому на всех языках, перекрывая тысячелетний гул времени, отделяющего его героев от

У НАС
В ГОСТЯХ

Театр из Пирея

нас. Не потому ли таким примечательным событием нашей театральной жизни оказалась «Орестей» Эскила в постановке Пирейского театра греческой трагедии?

В СПЕКТАКЛЕ Пирейского театра впервые мы встретились с чем-то новым, можно сказать, в своем роде единственным. Это «что-то» — Трагедийный Хор — 12 молодых актрис, слитых в единое, неразрывное целое. Этот Хор — большое достижение режиссера Рондириса, являющегося руководителем театра, хореографа Лукки и, конечно, бесценных участниц молодого ансамбля солисток, сочетающих в себе качества драматических актрис, певиц, декламаторов и танцовщиц. Я внимательно следил за сценической жизнью каждой из них и постоянно видел ту степень самоотдачи, творческой устремленности, которая обычно присуща только большим актерским индивидуальностям. Эти качества участниц Хора во многом и создают в спектаклях Пирейского театра ту атмосферу морального суда, эмоционального, страстного восприятия человеческой судьбы, о которой повествует трагедия. Каждой участницей Хора и всеми ими вместе осознаны и пережиты события, развертывающиеся перед нашими глазами.

Велика работа режиссера и хореографа с каждой участницей Хора, работа по осмыслению философского содержания драмы, работа над осное-

нием чувства ее поэтических красот, над музыкой стиха, над чеканной дикцией и точностью логических ударений. Даже не понимая из-за незнания языка смысла слов, мы чувствуем его, мы различаем каждое слово, произносимое Хором. Великолепно разработано сочетание речи ведущих (артистки Герарду, Рига, Константиу, Зерва и Сифаки) и ансамбля остального ансамбля голосов, создающее настоящую голосовую оркестровку.

Ритмические звуки ударных инструментов и оркестровые мелодии причудливо сплетаются с человеческими голосами, но нигде все это не звучит формальными ухищрениями. Хор живет: поет, говорит, возглашает, молит, негодует, предупреждает, задыхается от ужаса и счастья, звенит, торжествует и радуется. Он действует даже молча, когда замедляет в ожидании событий, которые важны для него не меньше, чем для героев трагедии. Не меньше, а может быть, больше! Хор этот — чуткое и всегда живое сердцебиение спектакля. Этим сердцебиением и дыханием Хора определяется наше отношение к героям и их поступкам. Оно же создает и диктует все внешнее и внутреннее движение трагедийных спектаклей, поставленных Рондирисом. Удачно найдено сочетание скупости внешних движений героев с большой внутренней наполненностью. Впечатляющая скульптура групповых мизансцен, всегда ритмичных и музыкальных, часто близких к танцу, интересные контрасты между статикой героев и динамикой Хора.

Особенно примечательна работа Хора в «Орестее». Отдавая должное таланту и темпераменту исполнительниц ролей Ореста (Хаджискос), Электры (Никифораки), слуги (Ксенакиса) и Клитемнестры (Панатанассиу), главное впечатление уносишь от Хоэфор и Эрвиний, образы которых передал Хором. Разительно непохож Хор двух частей этого спектакля. Такое перевоплощение поражает. В первой части мы видим рабыню-плакальщицу, скорбных и гневных, нежных и тревожных, негодующих на зло и бесчеловечность Эгнеста и Клитемнестры. Во второй части трагедии все это сменяется цензовыми хороводами богинь Мицены — Эрвиний, преследующих Ореста. Мы слышим их вопли, полные бессильного бешенства, стоны и скрежет зубной, видим их движения, наполненные судорогами несправедливости и призывами мстительного экстаза. Незабываема начальная мизансцена второй части трагедии, где распотаннанный страда-

нием Орест застыл, прильнув к алтарю Аполлона, а у его ног, словно гигантский клубок дремлющих змей,

шипящие и вдрагивающие тела амазонок зла.

Эсхил в Пирейском театре прочтен заново. «Хочу, чтобы зло не душило доброе» — эта мечта Эскила, высказанная в его «Орестее», может быть избрана девизом высокогуманного по-настоящему коллективного искусства Пирейского театра. «Пусть граждане вражды друг к другу не питают дерзостной! Войну — за дверь!» — эти призывы Эскиловой «Орестей» воодушевляют ясное и повышенное искусство наших гостей. Именно эта любовь к людям делает глубоко современными древние трагедии, представляющие в исполнении замечательной артистки Аспасии Панатанассиу и всех ее талантливых товарищей. Пирейский театр трагедии цвет из родника вековой мудрости для того, чтобы и сегодня эта мудрость являлась грозным оружием в борьбе человека с несправедливостью и ложью.

Р. СУСЛОВИЧ,
заслуженный артист РСФСР,
режиссер Театра драмы имени
А. С. Пушкина
На снимке: сцена из спектакля
«Орестей».

Фото В. Федосеева (ЛонТАСС)

Ленинградская правда